

Бай Мянъ застыл.

Он приоткрыл рот, собираясь что-то сказать, но не смог выдать ни звука. Его лицо на глазах заливалось краской, стремительно краснели уши и шея, и вскоре он стал похож на варёную креветку.

— Насмотрелся?

Голос её звучал ровно, без тени эмоций.

Бай Мянъ в панике отвёл взгляд и уткнулся лицом ей в грудь, не смея поднять головы. Сердце колотилось так бешено — тук-тук-тук, — что он боялся, как бы она не услышала этот грохот.

— Я... я... — пробормотал он, уткнувшись в её одежду, голос его был тихим, как писк комара. — Я не... я просто...

Просто что?

Просто засмотрелся, потому что ты красивая?

Просто оцепенел от восхищения?

Просто мечтал о том, чтобы ты всегда держала меня в объятиях?

Он не мог этого произнести.

Бо Цинъянь опустила голову, глядя на макушку, прижавшуюся к её груди. Уши юноши покраснели так, будто вот-вот нальются кровью, а розовый румянец разлился даже по затылку. Он съёжился в её руках, такой крошечный и дрожащий, словно пойманный на месте преступления кролик.

— Подними голову.

Голова в ответ отрицательно качнулась.

Бо Цинъянь протянула руку, сжала его за затылок и заставила посмотреть на себя.

Её взору предстало залитое краской лицо. Юноша был красным, как спелая хурма, глаза подёрнулись влажной дымкой, ресницы мелко дрожали, а губы были слегка приоткрыты, словно он хотел что-то сказать, но не решался. Он смотрел на неё влажным, полным стыда и страха взглядом — до того жалким, что сердце сжималось.

— На что смотришь? — спросила она.

Бай Мянью снова покачал головой, не осмеливаясь ответить.

Бо Циньянь смотрела на него, а затем внезапно протянула руку и ущипнула его за бок. Талия у него была тонкая, и даже сквозь ткань одежды чувствовалась мягкость кожи. Она слегка сдавила...

— М-м-м...

Бай Мянью вздрогнул, и из его горла против воли вырвался тихий стон. Звук получился мягким, томным, с лёгкой ноткой в голосе — будто замяукал котёнок или...

Он сам замер от неожиданности. Лицо вспыхнуло ещё сильнее, почти до багрового цвета.

Рука Бо Циньянь замерла. Она смотрела на него, и в её глазах промелькнуло что-то тёмное.

— Что это за звук?

Бай Мянью отчаянно замотал головой, едва сдерживая слёзы. Он и сам не понимал, что это было. Его просто ущипнули, и он... он не смог сдержаться...

— Я... я не знаю... — пролепетал он сквозь слёзы, голос его дрожал. — Я не хотел...

Бо Циньянь продолжала смотреть на него. Глаза юноши покраснели, слёзы стояли в них, он смотрел на неё с таким жалким видом, будто его обидели до глубины души. Хотя она лишь слегка ущипнула его.

Она разжала пальцы.

— Распутник.

Два слова, произнесённые так буднично, будто она обсуждала погоду.

Бай Мянью остолбенел. Распутник? Он, конечно, знал, что значит это слово. Что-то непристойное, неприличное... Лицо его вспыхнуло, как от пожара.

— Нет! — поспешно воскликнул он. — Я правда не такой! Я просто... я испугался...

Бо Циньянь молчала, глядя на него. В её взгляде не было ничего особенного, но Бай Мянью

чувствовал себя так, будто с него сорвали одежду и выставили напоказ.

— Вот как? — обронила она.

Бай Мянью отчаянно закивал, и слёзы, предательски потекли по щекам.

— Правда... я правда не... Я никогда... Я не такой человек...

Чем больше он оправдывался, тем сильнее путался в словах, слёзы градом катились по лицу. Бо Циньянь, глядя на него, молча откинула одеяло и поднялась с постели.

Бай Мянью замер. Он смотрел, как она дошла до стола, как подошла к двери.

— Ж-жена... — тихо позвал он.

Бо Циньянь не обернулась. Дверь открылась и закрылась. В комнате он остался один.

Он сидел на кровати, тупо глядя на закрытую дверь. Он боялся, что Бо Циньянь уйдёт навсегда.

— Хозяин... — Система попыталась что-то сказать, но не нашла слов.

Слёзы Бай Мянью всё не прекращались. Он вытирал их рукой, но они лились снова и снова.

Распутник. Она назвала его распутником.

Он не такой. Он правда не такой. Он просто... просто засмотрелся на неё, просто вздрогнул, когда она дотронулась до него, просто не смог сдержать этот звук. Это вышло случайно, он совсем не такой человек.

Но она ему не поверила.

Неужели, глядя на него так, она считает его грязным?

Бай Мянью опустил голову и спрятал лицо в коленях. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь его сдавленными рыданиями. Он вспоминал, как засмотрелся на неё, как прижимался к ней, как издал тот звук, и как она произнесла это слово.

Распутник. Неужели он и правда... такой?

Он не знал. Его с детства держали в горах, никто не учил его подобным вещам. Он не понимал, как должны вести себя мужчина и женщина, не понимал, сделал ли что-то не так, не понимал, почему она так на него смотрела.

Он знал лишь одно: она разозлилась. Она побрезговала им.

Бай Мянь уткнулся лицом в колени ещё глубже, его плечи мелко дрожали. Может быть, он вообще не достоин того, чтобы его любили? Может, его удел — лишь быть Котлом, которого передают из рук в руки? Может, вся та теплота, что была вчера — лишь его собственные глупые фантазии?

Но... но ведь она спасла его. Она обработала его раны. Она позволила называть себя женой. Она не оттолкнула его, когда он прижался к ней. Неужели всё это было ложью?

Бай Мянь не знал. Он просто сидел, обхватив колени, сжавшись в комочек, словно брошенный зверёк. Он уткнулся лицом в одеяло, тихо всхлипывая, боясь издать лишний звук. Но одеяло пахло ею — пахло его женой.

Он заплакал ещё сильнее.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем дверь снова открылась. Бай Мянь поднял голову и увидел Бо Цинъянь, которая стояла на пороге с миской каши в руках.

Он замер. Глаза его покраснели и опухли, лицо было в слезах — вид у него был до невозможности жалкий.

Бо Цинъянь подошла и поставила миску на прикроватный столик. Она смотрела на него сверху вниз.

— Чего ревёшь?

Бай Мянь покачал головой, не решаясь заговорить. Бо Цинъянь присела на край кровати. Она протянула руку, взяла его за подбородок и заставила поднять голову. Его личико было в слезах, глаза красные, как у кролика, губы искусаны до припухлости — вид совершенно несчастный.

— Запомнил, что я сказала?

Бай Мянь растерялся, не понимая, о чём речь. Бо Цинъянь, глядя в его непонимающие глаза, произнесла ровным тоном:

— Я назвала тебя распутником. Запомнил?

Бай Мянй побледнел и опустил взгляд, не смея на неё смотреть.

— Что нужно запомнить? — спросила Бо Цинъянь. — Что нельзя быть распутником?

Бай Мянй кивнул.

Бо Цинъянь, глядя на его кивок, слегка изогнула губы.

— Неверно.

Бай Мянй замер и поднял на неё глаза. Бо Цинъянь отпустила его подбородок и снова ущипнула за бок.

— Запомни хорошенько... — она наклонилась к самому его уху, и голос её, лёгкий, как дуновение ветра, заставил его вздрогнуть: — Если уж быть распутником, то только для меня.

Бай Мянй оцепенел. Он смотрел в её глаза, оказавшиеся совсем рядом — бездонные, как омут, в которых он ничего не мог прочесть. Но он отчётливо чувствовал, как его сердце бьётся так часто, будто готово выпрыгнуть из горла.

— Понял?

Бай Мянй инстинктивно хотел кивнуть, но рука на его боку слегка сжала кожу, и он закусил губу, боясь издать звук. Бо Цинъянь, наблюдая за тем, как он отчаянно пытается сдержаться, прикусив губу, посмотрела на него с тёмным блеском в глазах.

— Подай голос.

Бай Мянй покачал головой, ещё сильнее впиваясь зубами в губу. Бо Цинъянь, глядя на это жалкое, но упрямое создание, внезапно улыбнулась. Едва заметная улыбка, мелькнувшая и тут же исчезнувшая.

Затем... она приподняла его и перевернула на живот.

— А... — снова вырвался тихий стон.

Бай Мянй закрыл рот рукой, лицо его пылало так, что он готов был провалиться сквозь землю от стыда.

— Я сказала, — голос Бо Цинъянь раздался сверху, спокойный и холодный, — подай голос.

Бай Мянью отрицательно мотнул головой, утыкаясь лицом в её колени.

Хлоп!

— А...

— Подай голос.

— У...

— Подай голос.

Хлоп!

— Ж-жена...

Голос его был мягким, дрожащим, полным слёз, стыда и чего-то такого, чему он сам не мог найти названия.

Бо Циньянь прекратила и усадила его перед собой. Юноша, с покрасневшим лицом, глазами и кончиком носа, смотрел на неё с мольбой. Его губы, покусанные до припухлости, были слегка приоткрыты, он тяжело дышал.

— Научился?

Бай Мянью замер, не понимая, о чём она. Бо Циньянь, глядя на его наивный взгляд, снова ущипнула его за бок.

— Я говорю... — она наклонилась к нему, произнося каждое слово отдельно: — Дай мне увидеть, как именно ты умеешь быть распутником.

Лицо Бай Мянью вспыхнуло до корней волос. Он смотрел в её глаза, оказавшиеся так близко, ловил едва уловимую усмешку на её губах, и вдруг понял одну вещь — его жена совсем не такая, какой кажется на первый взгляд.

Но, кажется, ему это даже нравится.

Он просто смотрел на неё, с красным лицом и глазами, и тихо прошептал:

— Жена...

— М?

— Я... я буду... быть распутником только для тебя одной...

Бо Цинъянь смотрела на него с глубоким, тёмным блеском в глазах. Через мгновение она убрала руку, взяла миску с кашей и протянула ему.

— Ешь.

Бай Мянэ заторможенно взял миску. Он смотрел на горячую кашу, затем поднял взгляд на её холодное, прекрасное лицо. В этих глазах было что-то, чего он не мог понять. Но вдруг он почувствовал, что больше не боится.

Он опустил голову и начал понемногу есть. И пока он ел, уголки его губ невольно поползли вверх.

Его жена... пусть она суровая, пусть холодная, пусть называет его распутником...

Но она купила ему каши. Она вернулась. Она обнимала его. Она позволила ему быть распутником только для неё одной.

Пока он думал об этом, лицо снова залилось краской. Он украдкой поднял глаза и посмотрел на Бо Цинъянь. Её холодный взгляд был направлен прямо на него — неизвестно, как долго она на него смотрела.

Пойманный с поличным, Бай Мянэ поспешно опустил голову, уткнувшись лицом в миску.

В ушах раздался едва слышный смешок. Он не знал, что это значит. Но он почувствовал, что его жена довольна.

<http://bllate.org/book/22395/2350068>